

...И ПЕСНЯ СТАНОВИТСЯ ВАШЕЙ

Заслуженная артистка БССР Тамара Раевская не просто поет, она живет песней. Раскрывая всю ее трепетность, мысль, краски, певица заставляет вас не только сопереживать, но и творить вместе с ней. И песня ее становится вашей песней.

— Тамара, когда вы поете, у вас такие глаза, будто хотят вобрать в себя всю Вселенную. Не знаю, как и объяснить это... Мне кажется, вы поете для всех: для меня, для него...

— Ничего себе сравнение! Вселенная... Мне просто хочется петь для каждого сердца. Петь и удивлять. Бабка моя, Гэля, когда в детстве я пела, смеялась: «Ишь, расстрекоталась. Только кузнечикам и слушать». А у кузнечика ухото на ноге! И — слышит! Живешь на свете и все время удивляешься. Вот зернышко. Что в нем особенного? Бросишь в землю — и таким чудом обернется. Той же самой яблонькой. Росла у меня в деревне под окном. Маленькая, сгорбленная. Весной заневестится, заиграет на ветру белыми крыльями, вот-вот улетит в белый свет.

— А улетели вы...

— В Минск... Сейчас горюжанка. А сердце там, где песня моя начиналась. Бабку в деревне чаровницей звали. И дочка голосистая.

— Ваша мама?

— Да. До войны она часто выступала в Осиповичском Доме культуры на концертах, участвовала в республиканских смотрах художественной самодеятельности. Хвалили. Учиться уговаривали. А тут — война. Прошло много лет, пока к учебе вернулась. Лесотехник она у меня.

— Певица — лесотехник?

— Здорово ведь! Лес!.. Бывало, придет со своей лесной практики — мы тогда в подвале жили: Минск разрушенным был — холодно, голодно. К самому крыльцу у нас жито подступало. Обнимет мама нас — руки лесом пахнут! — и затанец «Тонкую рябину». Я ей тихонько подпеваю и радуюсь, какая мама у нас красивая.

— В песне красивая.

— И в песне. Знаете притчу, как одного святого принимали за горбатого? А он за спиной в котомке крылья носил... Голос у меня «открыла» моя двоюродная сестра, она в консерватории училась и настоя-

ла, чтобы я в музыкальное училище поступила. Но часто подсмеивалась: «Голос у тебя есть, — говорит, — жаль только, что курносыя...».

— А руки?

— Что руки?

— Говорят, они у вас певучие.

— На сцене я о них не помню. Конечно, не молчат, поют вместе со мной. Рассказывают. Правда, песню рассказать — еще не все. Надо сделать ее своей и вашей радостью. Подарить вам удивление узнаваемости. Вот как в жизни: идешь, и вдруг на асфальте — зеленая стрелка одуванчика с золотым солнышком... Вы это знали, много раз видели, но сейчас все заново, трепетно, сладостно. Так и с песней!

— Песней притронуться к душе?

— И сродниться с ней. Песня — тот же рассказ: завязка, кульминация, развязка. Очень уважаю слово в песне. Слово, как пульс. Произнесу его и так, и этак — чтоб ожило, заиграло, засветилось. Страдаю от несовершенных стихов, от избитых образов. Кому нужен «эрзац»?

— Мы, зрители, тоже страдаем. Ведь подчас получаем даже эрзац в кубе: несовершенную песню, несовершенный аккомпанемент и «микрофонные консервы»... От грохота оглохнуть можно. Усилителей на сцене больше, чем артистов. И все же терпим, интерес к песне не уменьшается.

— Что вам на это сказать? Век техники. Век песни. Аудитории — для тысяч слушателей. К примеру, Минский Дворец спорта — в нем без микрофона и усилителей ни один певец не станет петь. Звук «за барьер» не пойдет, на сцене останется. И еще: один голос микрофон искажает, другой расцвечивает, подчеркивает в нем какие-то краски, нюансы. Главное — все зависит от культуры исполнителя. От вкуса, такта, чувства меры, от профессионализма. Часто грохотом латается нехватка мастерства... А ведь есть классический пример: звезда мировой эстрады французский актер Морис Шевалье первым рискнул убрать оркестр в оркестровую яму и остаться один на сцене, первым — в шестьдесят пять лет! — сменил оркестр на рояль, а потом вообще отка-

зался от него в пользу фонограммы. А Марк Бернес, Клавдия Шульженко? Их чарующая «поющая тишина»... Конечно, мы уже привыкли к микрофонам, к грохоту, даже если выступаем на небольших концертных площадках.

— Но некоторые ансамбли и исполнители спекулируют терпением слушателя.

— Да, в известной мере, если это только привычка, а не традиция.

— Вот уже пятнадцать лет вы — солистка Белорусского телевидения и радио. Но мы вас часто слышим и в открытых концертах. Что вам больше по душе — концерты в записи или открытые?

— Конечно, открытые. Мне кажется, я даже петь лучше начинаю. И оркестр становится активнее. Знаете наш оркестр? Очень люблю его. Работаю с ним с первого своего рабочего дня. Оркестр и семья моя, и мой друг. Хороший, профессиональный коллектив! Руководитель Борис Ипполитович Райский — талантливый, знающий свое дело человек. Где мы только с оркестром не побывали!.. У белорусской поэзии и белорусской музыки сейчас настоящий взлет. Одно удовольствие представлять Белоруссию такими композиторами, как Ю. Семеняко, Д. Смольский, Е. Глебов, И. Лученок, Э. Зарицкий, Э. Ханок... Их песни пользуются неизменным успехом. Их знают, любят и поют.

— И песни А. Пахмутовой О. Фельцмана, М. Фрадкина, Е. Мартынова... Композиторская «география» у вас велика.

— Да, в смысле «географии» — все правильно. Я не ограничиваюсь определенным кругом композиторов. Но в выборе песни — нет, не всеядна.

Всегда ищу свою. Чтобы правда в ней была, как в жизни. Чтобы пелось в ней о том, о чем людям хочется слышать. Без пустословия, без трескотни.

— Песня рождается не только в «мастерской» композитора, ее должен выносить, вынашивать и певец.

— Мне говорят: «Ты песни, как блины печешь». Это только так со стороны кажется. А сколько до этого — сомнений, поисков, огорчений! Знаете «Баллада о матери» Евгения Мартынова? Мать увидела в кино сына, которого не дождалась с войны. Он, живой, рвался в атаку, и мать вскопала, метнулась к нему, чтоб заклонить собой: «Алексей, Алешенька, сынок!»

Как спеть, чтобы песня не стала мелодрамой? Вроде, нашла, что искала... Спела. Зрителю доверилась. И не поняла: получилась песня или нет? Слушали, переживали вместе со мной материнское горе. А этого ведь мало... Пришла домой расстроенная. Мама все поняла: «Бабку Гэлю вспомни. Тянет жалостливую песню, а глаза — живые!»

— И что же?

— Надо петь во имя жизни. Мать — начало всех начал. В матери из баллады я двух матерей рассмотрела. Одна заслоняет от смерти сына, другая — сыном весь белый свет. Это — как отдать последний глоток. Как Бетховена петь.

— Вас любит зритель... А как вы его?

— Я?... Вопрос врасплох... Помните, у поэта: «Любовью брата, и кажется, еще сильней...». Наверное, так. Когда я прихожу с песней к людям и вижу их внимательные, доброжелательные глаза, у меня так и просится с языка: «Люди вы мои, люди! У вас, может, и времени не ахти, работа где-то ждет, а вы — на встречу со мной. Как же мне спеть, что же мне вам такое сказать, чтобы вы не пожалели, что пришли на концерт?» Особенно в деревне, где и сердце мое, и корни. Очень люблю выступать в деревнях, где артиста «живого» редко видят. Мы обычно ездим с инструментальным ансамблем радио и телевидения, которым руководит заслуженный артист Леонид Смельковский. Видели бы вы, как там

принимают! Вот уж поистине открытость человеческая. Слушают внимательно-внимательно, потом — не унять аплодисментов. В одну минуту командуют детишек на огороды за охапками цветов.

Как-то пела я в одной маленькой деревушке. Сцена — с воробьиный нос, люди — на расстоянии протянутой руки. Аплодировали. Несколько раз пробовала уходить — опять вызывают. А одна старенькая бабка уцепилась за подол моего платья, просит: «Деточка, еще, еще». И я пою, пою... Им, зрителям, любви своей пою.

— Недавно мы распрощались с семьдесят пятым годом. Чем он интересен был лично для вас?

— Очень напряженный год. Творчески напряженный. Декада белорусского искусства и литературы в Литве... Мой творческий отчет в республиканском Доме актера... Год большого урожая на поездки и концерты... Участвовала в пленуме Союза композиторов БССР в Бресте и пленуме Союза композиторов СССР в Киеве. Работала в Москве с эстрадно-симфоническим оркестром Центрального телевидения под руководством Юрия Силантьева и эстрадным оркестром «Голубой экран», которым руководит Борис Карамышев... Да разве все перескажешь!

— И последний вопрос, Тамара Григорьевна. Вы — заслуженная артистка нашей республики. Как вы относитесь к этому почетному званию?

— Оно не только почетно, но и обязывает ко многому. Значит, требовательность к себе. Строжайшая самодисциплина. Репетиции, записи, концерты... Жизнь артиста, как линия высокого напряжения. Он постоянно заряжен творческим процессом. Я могу с вами разговаривать, улыбаться, а сама — в песне. Контролирую себя, проверяю, доношу ли мысль до слушателя, получает ли слушатель наслаждение от мелодии и образа в песне? Как бы все время со стороны на себя смотрю. Ведь слово «заслуженный» — от глагола «служить». Получив это высокое звание, я должна служить людям, искусству. Верно? И я стараюсь.

Вела беседу Н. Тулупова.